

Михаил Алексеев

Мой Сталинград (фрагмент)

Сталинград вернулся!

Вместо предисловия

Он вернулся ко мне через 60 лет, без самого малого.

Александр Проханов в своем выступлении на презентации «Моего Сталинграда» сказал:

«У меня возникло ощущение, что эта книга является длинным, обстоятельным письмом фронтовика о том, что с ним происходило на фронте. Письмо это Михаил Алексеев писал 50 с лишним лет. Начиная писать еще тогда, в сталинградских степях, своим домашним, в саратовскую глубинку, но потом сам вернулся домой и сам прочитал свое давнишнее письмо. Он одновременно и отправитель военных треугольников зимы 1942 – 43 годов и их отправитель спустя полвека».

Ощущение А. Проханова оказалось поразительно точным по главной сути. Замечу лишь, что давнишнее то письмо составилось из множества писем, и писались они не 50 лет, а двести дней и двести же ночей в окопах Сталинграда, день за днем на протяжении всего побоища. А посылались те треугольники не моим домашним в саратовскую глубинку, Саша, а в малюсенький город Ирбит, затерянный где-то в уральских горах, куда во время эвакуации перебралась из города Сумы одна украинская семья, а с нею, сообщал я в «Моем Сталинграде», прелестнейшее существо по имени Оля Кондрашенко. Жили мы в одном доме в уютном и ласковом городке на берегу поэтичнейшей речки Псёл. И, конечно же, не могли не подружиться. И не знали, что дружба наша будет очень долгой. И виною тому Оля, Ольга Николаевна – она не давала (да и сейчас не дает) погаснуть этому светильнику нашей прекрасной дружбы, так и не перешагнувшей порога, за которым было бы уже другое...

Вот ей-то, Оле Кондрашенко, я и посылал все свои сталинградские письма. И она сохранила их все до единого! И лишь теперь, спустя не пять, а шесть десятков без малого лет, стала высылать их мне. Сталинград из кроваво-огненной своей Купели вновь вернулся ко мне в моих же собственных письмах. Часть из

них в канун нынешнего 2002 года использовала газета «Российский писатель» в довольно большом материале, названном достаточно точно: «Возвращение огня». Основная масса моих писем, к сожалению, получена мною уже после того, когда работа над романом подходила к концу. Но мог ли я упрекнуть свою верную подружку за задержку с присылкой писем, когда она, советская патриотка, оказалась вдруг «заграницей», живет теперь одиношенка в Ужгороде, куда привезли ее с Урала родители, ныне уже ушедшие из жизни?

После войны переписка моя с Олей возобновилась и продолжается по сей день. Ни в одном из множества писем ко мне нет ни малейшего упрека в том, что в основном по моей вине наша светлая дружба не завершилась тем, на что вроде бы естественно рассчитывали. Судьба распорядилась по-своему...

Переписка с Ольгой Кондрашенко у меня продолжалась и после Сталинградской эпопеи, о чем говорит и это стихотворение, написанное мною и посланное девушке 29 августа 1944 года уже из Трансильвании. Но Сталинград занимал особое положение и в характере нашей переписки, начавшейся, для меня, во всяком случае, с Акмолинска, куда я попал во вновь формирующуюся 29-ю стрелковую дивизию, не зная, не ведая того, что в ее составе мне суждено будет пройти от начала и до конца все круги ада Сталинградского побоища в должности политрука минометной роты и заместителя командира артиллерийской батареи.

14 мая 1942 года я писал своей подруге:

«Здравствуй, Оля!

Сообщаю тебе, что из Акмолинска я выехал 29.3.42 года. Сейчас нахожусь близко от фронта снова. Скоро вступлю в бой с немецкими захватчиками. Прошу тебя не терять со мною связи. Если все кончится хорошо, наверняка увидимся. Пиши мне чаще письма. Если потеряешь со мною связь, прошу связаться с моим братом, адрес которого я тебе давал».

В бой мне пришлось вновь вступить не так уж скоро и не там, где предполагалось.

«До поры до времени, – говорится в первых же строчках „Моего Сталинграда“, – никто из нас, оказавшихся августовским летом сорок второго между Доном и Волгой, как между тяжким огненным молотом и наковальней, – никто не знал, не ведал

(повторю и здесь два этих слова! – М. А.), что Абганерово¹ будет включено в наши души и навсегда, до последнего часа останется там у тех немногих, кому неким чудом удалось выжить.

Двумя неделями раньше сформированная в казахстанских степях 29-я стрелковая дивизия, новенькая, с иголки, свеженькая, укомплектованная по штатному расписанию, предназначенная было для обороны Москвы на дальних подступах к ней и временно расквартированная под станцией Волово Тульской области, неожиданно, в одну июльскую ночь и в одно утро была погружена в эшелоны и с бешеной скоростью устремилась куда-то на юго-восток».

Впрочем, мы-то догадывались – куда именно.

И вот первое мое письмо оттуда:

«9/VIII–42 Степь.

Дорогая Оля!

Сейчас в самый тяжелый и опасный момент я получил от тебя письмо. Можешь ли ты представить все волнения души моей в этот час?! Нет, ты не можешь представить. Это может представить человек, находящийся со мною под непрерывным обстрелом с воздуха и земли.

Положение мое, моя дорогая, таково, что вряд ли мое письмо дойдет до тебя, но если оно все же и дойдет, то я боюсь, как бы оно не было последним. Но не падай духом, подружка моя, я еще долго намерен грызться с проклятым немцем, буду бить его до последней возможности, Сейчас, пока я пишу, все гудит вокруг, степь стонет, вздрагивает.

Плачется родная земля!

Хочется крикнуть на всю Русь: товарищ, друг, дорогой человек! Если ты способен держать в руках оружие, если ты можешь крепко взять в руки топор, лопату, вилы, оглоблю, если у тебя, русская женщина, есть в руках мотыга, кочерга, навались на немца! Он кровожаден. Он пришел пожрать нас. Немец не хочет работать, он хочет пить чужую кровь.

Бей немца, чем можешь и где только можешь! Бей – ты спасешь родину, ты не будешь презрен поколением за то, что отдал на поругание вислозадому немцу свою могучую державу.

---

¹ Так называется станция, где в ту пору шло ожесточенное сражение.

Если у тебя, советский человек, нет под руками ничего, чем бы мог ты гвоздить немца, то вырви собственное сердце и его, раскаленное лютой ненавистью, брось в врага...

Оля, дорогая моя девочка! Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и все-таки я отдам без страха эту жизнь, уже решил ее отдать... Я хочу жизнь (так сказано в письме. – М. А.), именно поэтому я и отдам ее.

Потому что не всякой жизнью я хочу жить. Я привык жить в стране, где человек является хозяином своей судьбы.

Но я не хочу жизнь с вечно согбенной спиной, по которой бесцеремонно будет бить немецкий кровожадный ефрейтор.

Нет, такая жизнь мне не нужна. Я от нее отказываюсь. Она чужда мне.

Лучше тысячу смертей, чем такая жизнь! Немца надо убить и спасти Россию!

Оля, возьми и прочти это письмо многим русским рабочим. Пусть они услышат голос юноши, отдавшего себя в защиту страны, в которой впервые в многовековой истории восторжествовала мудрость.

Будь счастлива и здорова, Оля! Не поминай плохим словом и надейся получить от меня не только письмо, но и нежный поцелуй...

Горячий, сердечный привет папе, маме и бабушке. Всем я им также желаю большого счастья. Пиши.

Ваш Михаил».

Ну а теперь мне хотелось бы предупредить нынешнего читателя, предупредить о том, чтобы он помнил, кем, где и когда писалось это письмо и другие письма, последующие одно за другим за этим.

Писал я, мне было 23 года, я был политруком минометной роты, а потом и ее командиром. В роте моей было 110 бойцов. Строчки эти набрасывались на бумагу в начале августа 1942 года в самый разгар боев в междуречье Дона и Волги, под Абганерово, уже не на дальних, а ближних подступах к Сталинграду. После войны я дважды был в Германии, Восточной и Западной. И знаете, встречали меня более дружески немцы, вернувшиеся из русского плена. В один голос они говорили мне одно и то же: русские

кормили нас, принесшим им столько бед, кормили лучше, чем себя. Сами-то они жили впроголодь.

Однако вернемся к другим письмам. Они тоже, сохраненные бережно удивительной женщиной, молчали без малого шесть десятков лет, а теперь вдруг голосом давно минувшей войны заговорили вновь, слушаем же.

«14 сентября 1942 г.

Оля, дорогая моя!

Хотелось бы побольше написать тебе, но борьба далеко еще не кончена, и я считаю преждевременным подводить какие бы то ни было итоги.

Скажу только, что я сам едва ли верю в то, что это моя рука пишет тебе письмо. Трудно, пожалуй, совершенно невозможно представить себе всей тяжести нашей: борьбы. Уже сотни раз смерть пыталась захватить меня в свои холодные объятия, но тщетно: я продолжаю жить и бороться. Трудно погасить во мне искру мщения. В качестве отчета приведу тебе цифры. Мое подразделение² за время боевой деятельности уничтожило не менее 400 немецких солдат и офицеров, много техники. Интересует меня, Оля, каким ты представляешь меня сейчас?.. Все тем ли румянощеким юношей, или каким либо другим?

Едва ли ты поверишь, моя дорогая, что несколько светлых волос серебрят мои виски, что в голубых и когда-то открытых глазах, теперь неугасимо поблескивают злые огоньки, как у затравленного тигренка. Много горя принес мне немец. Много пережил я вместе с моей годиною. Чувства обострились. Нет, в груди моей больше нет сердца – раскаленный кусок металла бьется в груди моей.

Как и всякий фронтовик, я, пожалуй, потерял дар речи: я привык выражать свои чувства штыком, гранатой, бомбой...

О всем в свое время расскажу я тебе, Оля. А сейчас прости мне, я кончаю. Написал твоему папе письмо, не знаю, получил ли он его.

Очень хотелось бы покушать яблок. Где наша Украина?

До свиданья.

С приветом – М. Алексеев».

---

² Все было засекречено настолько, что роту я называю подразделением.

Приведенное выше письмо, как и некоторые другие, грешат малостью литературной патетикой, а написано оно тем не менее после тяжелейших боев под Абганерово, где моя рота понесла первые потери: погиб заместитель командира лейтенант Сергей Гайдук и два бойца – Давискиба и Кучер. А при выходе из окружения в ночь с 29-го на 30-е августа потери эти оказались просто ужасающими: наша 29-я стрелковая дивизия вывела к Волге, к окраинам Сталинграда менее трети своего состава. А в моей минометной роте (под Абганерово я был уже в ней и командиром, и политруком одновременно) из 110 солдат и офицеров уцелело что-то около сорока человек. Отсюда и вырвались из-под моего карандаша эти «холодные объятия смерти». Удивляюсь только, как им, этим «объятаям», удалось вырваться из чрезвычайно бдительных и цепких рук военной цензуры! Однако ж вырвались и оказались в Уральских горах в добрых, надежных руках девушки по имени Оля.

Ровно через пять дней отправилось к ней в Ирбит следующее письмо почему-то без обязательного, казалось бы, эпитета «дорогая».

«Оля!

Посылаю тебе фотокарточку. Может быть, она тебе не понравится, – это, может быть, потому что в ней, в этой фотокарточке, скажем прямо, нет ничего достопримечательного.

Для меня же она дороже любой, самой замечательной, фотокарточки, потому что я фотографировался, вернее, меня фотографировали, после жестокого боя и перед боем; потому что она, эта маленькая карточка, родилась в грохоте снарядов, в пыли, у разрушенного домика³, в душной степи; потому что перед этим меня и многих моих бойцов представили к награде; потому что она дышит гарью великих сражений за нашу дорогую Родину; меня фотографировали, потому что в разгар сражений надо было мне вручить партийный билет, который бы лежал у сердца и все больше разжигал ненависть к врагу и постоянно уверовал в нашу победу. Пусть гимнастерка выцвела от солнца, прогорела горячим потом, пусть нет прически – пусть! все это будет по возвращении с фронта.

---

³ Имеется в виду калмыцкий хуторок Зеты.

Оля, ты не обижайся на меня. Другой фотокарточки у меня нет и быть не может сейчас, потому что в окопах, в степи нет фотографий, а в грохоте артиллерийской канонады фотограф нервничает.

До свиданья.

Жду твоего драгоценного письма.

Привет папе, маме и бабушке.

Ваши Мих. Алексеев. 12/IX-42 г.»

А за день до этого, 11 сентября 1942 года, в дивизионной газете «Советский богатырь» в рубрике «Наши герои» был опубликован небольшой очерк обо мне. Газетную вырезку с этим материалом я выслал Ольге. Она переписала его в тетрадь своим изумительным по красоте почерком, сохранившимся у нее и по сей день! Первая страница тетради трогательно разрисована полевыми цветами.

Теперь эта тетрадь с очерком, другими письмами, а также фотоснимками Ольги (ее фото относится к 41-му году) и моей, сделанной по заданию политотдела дивизии Валентином Тихвинским, с коим впоследствии мы очень подружились, находится у меня. К сожалению, Валя (так звали его мы все) не дожил до победы: погиб в Венгрии осенью 1944 года.

Ну а пока что заглянем в следующий, ждущий своей очереди небольшой листочек. Сверху, с правой его стороны указана дата: 14 сентября 42 г., но она вступает в противоречие с другой датой, которую читатель, конечно же, заметит при чтении письма.

Вот оно, это письмо:

«Оля, дорогая моя!

Я получил твое маленькое письмецо, датированное от 19/IX-42 года, в котором ты выражаешь беспокойство по поводу отсутствия моих писем.

Скажу откровенно, на каждое твое письмо, в каких бы я условиях ни находился, я давал немедленно ответ. Но условия... вот эти самые условия, видимо, были причиной исчезновения моих писем. А эти условия были чертовски сложны, порою казались безнадежными, но о них я писал тебе в предыдущих письмах.

В предыдущем письме я тебе отправил маленькую фотокарточку, которую ты должна уже получить.

Сейчас у меня все в порядке, о сегодняшнем номере нашей фронтовой газеты напечатана моя большая статья о героях Отечественной войны.

Вот и все. Эту статью в следующем письме я тебе вышлю (тут я чего-то попутал: в то время я мог напечататься разве что в «Советском богатыре», то есть в нашей дивизионной газете, а отнюдь не во фронтовой. – М. А.).

До свиданья.

Жду от тебя письмо и фотокарточку.

Привет папе, маме и бабушке, а также привет Нюсе.

Твой Мих. Алексеев».

Что там такое еще за Нюся, я, право, не знал. Похоже, из новых подруг Оли. Больше меня озадачила и смутила собственная подпись: «Мих. Алексеев». Откуда явился этот Мих? Так обрубают пополам свои имена, либо укорачивают их только писатели, да и то не все, а лишь хорошо известные. Шолохов, например. А я-то к чему присобачил к своей обыкновеннейшей фамилии, уступающей, может быть, только Ивановым по их числу среди русских людей. Ну, и ну! – удивился я, встретившись с этим совершенно неведомым мне и нелепым «Михом» среди присланных мне моих же писем. А уж не подписал ли я так статью, помянутую в приведенном выше письме?! Ну, да Бог с ним, этим самозванным «Михом»!

На очереди у нас с тобой, читатель, следующее в порядке живой как бы очереди письмо. Кажется, самое короткое из присланных Ольгой.

«Здравствуй, милая Оля!

Я тебе посылаю маленькую статью, из которой ты узнаешь о человеке, которому я обязан своей жизнью и возможностью бороться дальше с фашистским зверьем.

До свиданья.

Иду сейчас в грозный бой.

Твой Михаил.

Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

17/IX–42 г.»

Как видите, к папе, маме, бабушке в нашей строго документированной эпистолярной повести появился еще один персонаж по имени Нюся, с которой я был совершенно незнаком ни тогда, ни сейчас. А вот о человеке, которому я действительно обязан своей жизнью, – и не только один я, а еще несколько бойцов из моей минометной роты – о Николае Сараеве. Это он при нашем выходе из окружения, встретившись почти вплотную с немецкой танкеткой, бросил под ее гусеницы связку из двух противотанковых гранат, уничтожил ее вместе с экипажем, а нас спас ценою собственной жизни. Так думалось поначалу нам, спасенным. В последнюю минуту мы видели Николая, лежавшего неподвижно перед горящей танкеткой в изодранной гимнастерке. А что было с ним потом, рассказывается в эпилоге романа «Мой Сталинград».

А вот – открытка. Первая, посланная из-под Сталинграда. Откуда она взялась? До нее я упаковывал свои окопные послания в треугольники, ставшие, как и наркомовские сто грамм, постоянными палочками-выручалочками для фронтового люда. А тут – открытка. Скорее всего, она пришла ко мне вместе с ответными письмами от Ольги, из далекого уральского городка Ирбита. От нее же я получил и несколько маленьких конвертиков, выпущенных где-то как бы специально для фронтовиков, коим недосуг писать длинные письма.

Ну а вот и мое письмо, как раз, что называется, тютелька в тютельку уместившееся в открытке:

«Здравствуй, Оля!

Отсутствием своих писем ты заставляешь меня сильно обижаться на тебя. Поверь, Оля, очень обидно, сознавая то, что ты находишься на фронте в таком напряжении и все же находишь время написать письма, а на них нет ответа... Порою эти письма на фронт доставляются под градом пуль и снарядов: так дороги они бойцам!

Только холодная душа не может понять этого. Это ни к тебе относится, Оля! Но все же я обижаюсь на тебя крепко: разве ты не имеешь возможности писать почаще?

Я привык к одиночеству. Я вырос один, без близких родных, и все-таки здесь я хочу получить весточку, очень хочу!

Ну о себе сообщать нечего, все по-старому: три раза ранен, но легко из строя не выходил ни разу. Вот и все. Желаю тебе, Оля, счастья и здоровья. Будь уверена во мне.

Привет папе, маме и бабушке.

С приветом – Михаил Алексеев. 12/X-42 г.»

Грустновато горький характер этого письма можно объяснить не только и не столько отсутствием писем от дорогого тебе человека, но, конечно же, положением нашим на фронте: именно в октябре 42-го немцы усилили свой натиск, отодвигая нас все ближе и ближе к берегам Волги, а в районе знаменитого сада Лапшина, столь часто упоминаемого в моем романе, уже вышли на ее западный берег, отделив друг от друга две армии – 62-ю генерала Василия Ивановича Чуйкова, и нашу 64-ю генерала Михаила Степановича Шумилова.

О помянутых в открытке моих ранениях более подробно рассказано мною в романе «Мой Сталинград».

В канун большого праздника, пишу подружке моей:

«Дорогая Оля!

Поздравляю тебя с днем 25-й годовщины Октябрьской Социалистической Революции!

У меня сейчас необычайное настроение. Хочется сказать так много, так сильно, чтобы выразить всю глубину и сложность своих чувств в столь торжественный для нашей родины день...

Ты прости мне, Оля, обстоятельства не позволяют написать тебе большое письмо. Сейчас нахожусь в 50 метрах от немца и веду с ним такой разговор:

– Рус, хватит война! – кричит он мне.

– Что, фриц, надоело? – отвечаю и спрашиваю я.

– Рус, приходи к нам!

– Приду, приду обязательно, но только затем, чтобы убить тебя, вишвого!

Мой собеседник на некоторое время умолкает, и его сторону я пускаю длинную пулеметную очередь и сопровождаю ее словами:

– Фриц, ты жив?

Молчит.

Левее метрах в 100 от меня слышу уже другого:

– Рус, идем кашу есть!

– Пошел ты на... – кто-то совершенно по-русски ответил ему.

И фриц умолк. А я сел писать тебе это письмо. Как видишь, Оля, я жив и здоров. А это как будто нам обоим необходимо. Ведь что бы там ни было, а мы должны встретиться и окончательно оформить свою дружбу. Так ведь, пичужка ты моя? Мне очень хочется увидеть тебя. Оля, я очень жду от тебя письмо, когда я читаю его, мне становится теплее и уютнее в окопе: нежные ласки подружки моей согревают за многие сотни километров.

Вот сейчас мне трудно сосредоточиться, и письмо выходит неуклюжим. Но ты поймешь меня и простишь мне это... Будут условия, напишу тебе большое, замечательное письмо! Между прочим, я в свободные минуты работаю над книгой, пишу повесть. Уже написана большая часть, но, конечно, не обработана, некоторые отрывки из этой повести уже печатались в нашей фронтовой (читай: дивизионной. – М. А.) газете.

Как я работаю? Работаю примерно в сутки 24 часа. Днем иногда сижу в блиндаже и обрабатываю некоторые материалы, ночь провожу с бойцами, переползаю из окопа в окоп и беседую с ними, вселяю в них бодрость и уверенность в победе. В схватках с врагом приходится частенько и самому ложиться за пулемет, или наводить миномет в цель. Я теперь уже старший лейтенант.

Днем часика два засыпаю блаженным сном.

Конечно, все это делается под аккомпанемент артиллерийской канонады, трескотни автоматов и пулеметов. Но

мы к этому как-то привыкли – необычная тишина нас больше пугает и настораживает.

Но все это вместе называется тяжелой жизнью фронтовика.

Вот и все. До свиданья, Оля. Пиши почаще. Если можешь, вышли фото.

Будь здорова и счастлива.

С приветом – твой Михаил Алексеев.

Привет от меня папе, маме, бабушке и Нюсе.

6/XI–42.

Адрес мой: 1704 ППС часть 13. Алексееву».

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.